

Научная статья

УДК 32.019.5

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-194-200

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ВОЙНА В ПРОСТРАНСТВЕ КЛЮЧЕВОГО СИМВОЛА: К ТЕОРИИ АКТУАЛЬНОГО ФЕНОМЕНА

Сергей Петрович Поцелуев¹, Алан Александрович Гаас²,
Александр Александрович Летуновский³

^{1, 2, 3}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹spotselu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8562-6541>

²alan-haas@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0265-9389>

³letunovskiy2001@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0602-3329>

Аннотация. Целью статьи является уточнение понятия семантической войны как особого вида символической политики, который не следует смешивать с более широким понятием пропагандистских (информационных) войн. Располагая семантические войны на нижних уровнях когнитивной легитимизации власти (согласно типологии П. Бергера и Т. Лукмана), авторы трактуют их как разновидность семантической борьбы, ведущейся в пространстве одного и того же ключевого символа (концепта) (Г. Лассуэлл). В статье подчеркивается, что основной когнитивной стратегией семантической войны является менеджмент полисемии/многозначности ключевых концептов публичного дискурса, в результате которого желанная для данного политического актора интерпретация концепта «натурализуется» как часть здравого смысла. Авторы указывают, что семантические войны ведутся как за отдельные лексиконцепты, так и за концептуальные метафоры. Этот тезис иллюстрируется в статье имеющимся опытом исследования концепта «Запад» в дискурсе парламентских дебатов ФРГ, а также толкованием метафоры «третья мировая война без порохового дыма» в китайской блогосфере периода пандемии COVID-19.

Ключевые слова: семантическая борьба, семантическая война, когнитивная легитимизация, ключевой символ, полисемия, многозначность, мифонарратив, натурализация смысла, лексиконцепт, концептуальная метафора, концепт-в-действии

Для цитирования: Поцелуев С. П., Гаас А. А., Летуновский А. А. Семантическая война в пространстве ключевого символа: к теории актуального феномена // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 194–200. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-194-200>

Politology and Ethnopolitics

Original article

SEMANTIC WAR IN THE SPACE OF A KEY SYMBOL: TOWARDS THE THEORY OF AN ACTUAL PHENOMENON

Sergey P. Potseluev, Alan A. Gaas, Alexander A. Letunovsky

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹spotselu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8562-6541>

²alan-haas@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0265-9389>

³letunovskiy2001@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0602-3329>

Abstract. The purpose of the article is to clarify the concept of semantic war as a special kind of symbolic politics, which should not be confused with the broader concept of propaganda (information) wars. Placing semantic wars on the lower levels of cognitive legitimation of power (according to the typology of P. Berger and T. Luckmann), the authors interpret them as a kind of semantic struggle

waged in the space of the same key symbol (concept) (H. Lasswell). The article emphasizes that the main cognitive strategy of the semantic war is the management of polysemy/multivaluedness of the key concepts of public discourse, because of which the interpretation of the concept desired by a given political actor is «naturalized» as part of common sense. The authors point out that semantic wars are conducted both for separate lexical concepts and for conceptual metaphors. This thesis is illustrated in the article by the experience of studying the concept of «the West» in the discourse of the German parliamentary debates, as well as by the interpretation of the metaphor «the third world war without powder smoke» in the Chinese blogosphere during the COVID-19 pandemic.

Keywords: semantic struggles, semantic war, cognitive legitimization, key symbol, polysemy, multivaluedness, mythic narrative, naturalization of sense, word-concept, conceptual metaphor, concept-in-action

For citation: Potseluev S. P., Gaas A. A., Letunovsky A. A. Semantic war in the space of a key symbol: towards the theory of an actual phenomenon. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(2):194–200. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-194-200>

Введение. В политике, – как справедливо заметил американский политолог Мюррей Эдельман, – трудно бывает понять, что является причиной чего, и «какие групповые интересы выиграли окончательную битву, не говоря уже о последней войне» [1, р. 65]. Эта трудность напрямую связана с тем, что волнующие общество политические события в значительной мере являются порождением языка, который их описывает. Но язык не просто вовлечен в реальные войны в качестве пропагандистского средства; на своем собственном уровне он становится полем особых войн, которые называют семантическими. В отечественной [2, с. 238] и зарубежной [3] научной литературе выражение «семантические войны» нередко используют в широком смысле, подразумевая под ним конкуренцию политических акторов в наречении социальной реальности вообще и каких-то политически значимых событий, в частности. При таком подходе данная категория существенно теряет в своей аналитической силе, выступая лишь синонимом пропагандистской или информационной войны. *Цель данной статьи* – уточнить понятие семантической войны в более тесном смысле, а именно, посредством прояснения теоретико-методологических предпосылок исследования данного феномена.

Семантическая война как средство когнитивной легитимации власти. Самый первый момент, который следует иметь в виду при концептуализации семантической войны в политической науке – это тип легитимации, к которому она относится. В общем плане данный тип можно, вслед за авторами «Социального конструирования реальности», обозначить как когнитивный в отличие от нормативного. «Легитимация, – пишут П. Бергер и Т. Лукман – говорит индивиду не только почему он *должен* совершать то или иное действие, но и то, почему вещи *являются* такими, каковы они есть» [4, с. 154]. Из четырех уровней когнитивной легитимации, как они описываются упомянутыми авторами, семантические войны можно отнести к первым двум: дотеоретическому уровню «самоочевидного знания» и уровню прагматично-ситуативных «теоретических утверждений в зачаточной форме» [4, с. 154–155]. На этих (в концептуальном плане) самых нижних уровнях разворачивается то, что П. Бурдьё удачно назвал «символической борьбой за производство здравого смысла» или борьбой за «монополию легитимной *номинации*» [5, с. 72]. Такая монополия тоже связывается с государством, которое производит официальную номинацию социальной реальности как акт символического внушения, имеющего силу здравого смысла. Прежде чем пришедшая к власти политическая сила может упрочить свою позицию соответствующими юридическими актами, она должна (если пришла надолго) узаконить себя на высшем уровне когнитивной легитимации – через явные теории и символические универсумы. Но этого не может случиться, если проиграны битвы на семантической войне.

Любая официальная власть, чтобы быть идеологически легитимной, должна утвердить свой частный способ видения политической действительности в качестве общего. Но на нижнем уровне когнитивной легитимации она уже не может сделать это посредством пропагандистского противопоставления своего «кредо» конкурирующим доктринам и программам. Следовательно, у нее есть только одна возможность: формировать у массовой аудитории веру в то, что существует только одна «разумная» интерпретация происходящего, которая отвечает «здравому смыслу», «реальности, как она есть» (и совпадает с официальной позицией). Напротив, конкурирующие

определения реальности должны квалифицироваться не как идейно ложные установки политических противников по какому-то вопросу, но как позиции в принципе «абсурдные» («неразумные», «нездоровые»), а потому недопустимые. Можно сказать, что в семантической борьбе статус какого-либо значения как «здравого смысла» коррелирует с государственным статусом в политической сфере.

Такое когнитивное позиционирование семантических войн близко понятию «семантической борьбы» (semantic struggles), которое сравнительно давно используется в западной политической лингвистике. Так, немецкий исследователь Д. Буссе определяет семантическую борьбу как «конфликты по поводу правил использования языковых знаков» [6, p. 123]. Победителем в этой борьбе считается тот, кто преуспел в установлении своего правила в качестве лингвистической нормы для данного языкового сообщества. Семантическая борьба подразумевает споры о том, какое значение надлежит придавать встречающемуся в данном дискурсе выражению, она включает конфликты по поводу скрытых инсинуаций, спорных коннотаций и т.д. [7, p. 45]. В целом, семантическая борьба выступает своеобразным менеджментом смысловой неопределенности (диффузности) политического языка, причем не только вербального. Однако в этом пункте семантическую борьбу следует отличать от обычной полисемии языковых знаков. Немецкий политический лингвист В. Дикманн различает полисемию и многозначность, опираясь на введенное Г. Фреге различие между смыслом (Sinn) и значением (Bedeutung) языковых выражений. Полисемия, которая не снимается контекстом употребления знака, ведет к его многозначности. А эта последняя влечет за собой серьезные последствия для взаимопонимания в акте коммуникации [8, p. 66].

Но определяя семантическую войну как намеренное использование многозначности политических концептов во властных целях, мы еще не ухватываем собственную специфику этой войны, поскольку эксплуатация полисемии и многозначности слов есть обычная пропагандистская практика, состоящая в управлении коллективными воззрениями посредством манипулирования значимыми символами. Специфика же семантической войны состоит в том, что многозначность используется здесь исключительно как средство демонстрации какого-то значения как единственно истинного. Такое использование предполагает определенный жанр политической коммуникации, который В. Дикманн называет «дебатами» в отличие от «дискуссии». Цель последней – обрести консенсус относительно истины путем прояснения и устранения многозначности ключевых терминов. Напротив, в дебатах речь идет не о поиске истины и даже не о переубеждении оппонента; их основная цель состоит в прояснении уже сформированных позиций, в обосновании и оправдании этих позиций. Моделью такой коммуникации Дикманн считал пленарные выступления в парламенте [8, p. 100].

Война за семантику лексикоконцептов. В парламентском дискурсе наиболее типичным случаем семантической войны является борьба за смыслы базовых лексикоконцептов. Под ними мы подразумеваем отдельные слова, выступающие речевыми представителями понятий. В отличие от обычного слова или строго научного понятия, в концепте план «смысла» выражен в большей мере, чем план «значения» и «представления» (в терминах Фреге). Богатый материал семантических войн за лексикоконцепты дают прежде всего реальные войны и вооруженные конфликты. Внутри страны они обостряют конкуренцию различных политических сил при толковании ключевых символов публичного дискурса, таких как «родина», «отечество», «народ» и т.д. Эти символы особенно ценны, так как обладают большим эмоциональным потенциалом, необходимым для успешной политической мобилизации. Классическим примером такой семантической войны, хорошо изученной в научной литературе, может служить битва за семантику концепта «отечество» в европейских странах периода Первой мировой войны. В тогдешней Германии, к примеру, различные политические акторы пытались «узурпировать в единоличную собственность» [9, с. 227] семантику концепта «отечество» (Vaterland), внося соответствующую лексему в название своих политических организаций: «*Отечественная партия*», «*Народный союз за свободу и отечество*», «*Союз Новое отечество*» и др.

Шведский исследователь А.Ю. Рабеншлаг анализирует в своей недавней статье «семантическую борьбу» (semantic struggles) за концепт «Запад» (West), борьбу, которая разыгралась в германском бундестаге в ходе дебатов вокруг нефтяного кризиса 1973/74 гг. [10]. Этот концепт безусловно относится к тому, что Лассуэлл называл «ключевыми символами» [11, p. 12-13] политического дискурса. Мы будем использовать здесь выражения «ключевой концепт» и

«ключевой символ» как синонимы, акцентируя значимость эмоционально-экспрессивного (суггестивного) потенциала не только символа, но и концепта для интеграции и мобилизации человеческих коллективов. Заметим, что Г. Лассуэлл понимал «ключевой» символизм широко и глубоко: с одной стороны, он включал в него, помимо графических, и вербальные символы вроде «права», «свобода», «демократия», «равенство»; а с другой стороны, американский политолог подчеркивал, что «ключевой символ – это базовый термин политического мифа» [11, р. 13]. Другими словами, речь идет о переводимости ключевого символа/концепта в (мифо-)нарратив.

Упомянутые случаи борьбы за семантику концептов («Отечество» и «Запад») можно в более тесном смысле квалифицировать как семантическую *войну*, поскольку речь здесь идет не о войне концептов, но о сражении политических акторов за семантику одного и того же ключевого символа. Эта война есть закономерный эффект масштабного социального кризиса, заставляющего политических акторов использовать ключевые концепты публичного дискурса как «контейнеры», в которых сжимаются сложные политические программы и мировоззрения» [10, р. 152]. Другими словами, упомянутые термины используются здесь в режиме «концепта-в-действии» ('concept in action'), и этот режим следует считать общей характеристикой семантических войн.

Рассмотрение ключевого политического символа/концепта «в-действии» означает не только учет реального контекста его использования, даже широкого культурно-исторического контекста. Важно также иметь в виду, что такие концепты «представляют собой гораздо больше, чем просто образы социальной реальности – они сами являются факторами генезиса и преобразования социальной реальности» [12, р. 45]. Это объясняет, почему семантическая война ведется прежде всего за ключевые концепты: победа в такой войне есть важное условие победы в политическом конфликте.

Авторы, использующие понятие семантической борьбы в смысле именно *войны* семантик (как в упомянутых случаях с концептом «Запад»), подчеркивают, что главная когнитивная стратегия в этой борьбе заключается в том, чтобы «натурализовать» [10, р. 152] свою интерпретацию ключевого символа. Под натурализацией здесь следует понимать ту самую практику, которую Бурдьё называл «символической борьбой за производство здравого смысла», а Ролан Барт связывал с «натурализацией» смысла в мифе. Мы считаем принципиально важным подчеркнуть, что семантическая война, – именно потому, что она относится к семантике ключевых символов – разворачивается на уровне мифа. Этот момент, акцентируемый Лассуэллом в его понятии «ключевых символов», иногда упускается из вида в набирающем популярность понятии «concept-in-action». Между тем, возвращаясь к случаю семантической войны за концепты «Отечество» или «Запад», следует заметить: их конкурирующие толкования не борются между собой в открытую, как аргументы, но подаются как самоочевидный факт. Выражаясь бартовским языком, стратегия семантической войны состоит здесь в «натурализации» интенций понятия, которые не демонстрируются, но и не скрываются, а «протаскиваются» посредством их превращения в «насыщенный, непосредственно порождаемый и переживаемый, невинный и бесспорный» факт, который «предстает одновременно как внушение и констатация» [13, с. 243, 249]. Как следствие, потребитель мифонарративной интерпретации ключевого концепта принимает заключенные в его семиотической системе ценностные смыслы за систему сырых фактов, лишенных интерпретации.

Война за семантику метафорических концептов. Ключевые символы, вокруг которых разворачиваются семантические войны, могут быть представлены в политическом дискурсе не только отдельными словами (лексикоконцептами), но и метафорами, в особенности концептуальными. В случае семантической войны в пространстве метафоры принципиален, однако, ее статус как ключевого символа. Свежая оригинальная метафора, не получившая, однако, широкого распространения, может быть весьма умным описанием реальности, однако у нее нет того, что есть у любого ключевого символа: способности организовать общий когнитивный опыт большой массы людей в государстве, «начиная от самого могущественного босса и заканчивая самым скромным мирянином или философом» [11, р. 13].

Согласно когнитивной лингвистике, процесс понимания существенно связан с бессознательным действием концептуальных метафор, которые формируют прямой путь от метафорического языка к метафорическому обрамлению мысли, а от нее – к действию. Как следствие, люди в определенных (особенно, кризисных) ситуациях поступают в зависимости от того, как

они эти ситуации метафорически определяют. На эту способность концептуальных метафор накладывается давно отмеченный исследователями пропаганды принцип наивного восприятия массовой аудиторией речи политиков: они говорят так, как мы; значит, они думают так же, как мы; следовательно, они действуют по-нашему.

В политической науке случай семантической войны в пространстве одной и той же метафоры изучен слабее по сравнению с исследованием идеологической многозначности базовых политических понятий вроде свободы, демократии, власти и т.д. Мы можем проиллюстрировать пользу такого направления исследований случаем семантической войны, взятым из дискурса вокруг пандемии COVID-19. Важнейшей площадкой этих семантических войн стало противостояние американских и китайских медиа, связанное, в частности, с намеренным использованием Д. Трампом оскорбительной метафоры «китайский вирус». В свою очередь, в медиапространстве КНР получила широкое распространение метафора «третьей мировой войны без порохового дыма» (场没有硝烟的“第三次世界大战”)¹. На примере этой метафоры, уже давно обретшей в публичном дискурсе КНР статус ключевого символа, можно наблюдать войну семантик в контексте пропагандистской войны китайских медиа с западными. Причем самый интересный сегмент этой войны располагается, по-видимому, в блогосфере. Там толкования «третьей мировой войны без порохового дыма» достигают поляризации, хотя в китайских СМИ можно встретить и нейтральный смысл данной метафоры, просто акцентирующий глобальный характер борьбы с коронавирусом, ее мировые масштабы. Но в случае семантической войны толкование сразу же переносится в плоскость соперничества КНР и США. Прецедент такого толкования создал в свое время китайский лидер Дэн Сяопин, когда осенью 1989 года, будучи под впечатлением от стремительной деградации СССР и всего европейского «социалистического содружества», заявил, что «Запад ведет третью мировую войну без порохового дыма»². Сходные («антизападные») смыслы этого выражения можно встретить и в китайской блогосфере вокруг пандемии COVID-19, однако встречаются и прямо противоположные толкования. Так, некий прозападный блогер под ником «智者不惑 [Мудрец не смущается]» обвиняет китайских коммунистов в развязывании «третьей мировой войны без порохового дыма». Несколько торопя (для марта 2020 года) события, блогер заключает: «Третья мировая война без порохового дыма, которую вела КПК, оказалась могилой, которую она сама себе вырыла!»³.

Любопытно, что война за семантику упомянутого выражения сопровождается не просто выставлением его взаимоисключающих толкований, но генерированием новых метафорических выводов. Так, в записи одного из китайских блогеров характеристика пандемии как «третьей мировой войны без порохового дыма» обретает интересную коннотацию. Главным в этой характеристике оказывается не масштаб разрушений, сравнимых с мировой войной, а вызываемые ею геополитические сдвиги. Когда мировая эпидемия обострится, и Китай станет «безопасным островом», – рассуждает китайский блогер, – в него потечет много людей и ресурсов. Страна явит миру мобилизационные преимущества своей общественной системы, вмиг превратившись из бедного ученика – в образец для подражания. «История повторяется: Китай сегодня очень похож на Соединенные Штаты семидесятилетней давности, и эпидемия каким-то образом сыграла роль ‘третьей мировой войны’, после которой глобальная политическая карта будет перекроена ...»⁴.

Как показывает данный пример с китайской метафорой, анализ семантических войн в блогосфере представляется перспективным направлением исследований: обсуждение

¹ 陈冰 [Чэнь Бин]. 全球面临 政治病毒 与新冠疫情双重考验 [Мир сталкивается с двойным испытанием: политическим вирусом и новой эпидемией коронавируса] // 新民周刊 [Еженедельник Синьминь]. 2020-03-25. URL: <https://m.xinminweeklv.com.cn/content/13954.html>

² 邓小平 [Дэн Сяопин]. 坚持社会主义，防止和平演变 [Прилепживайтесь социализма и препятствуйте «мирной эволюции» (23 ноября 1989)] // 邓小平文选第三卷 [Антология Дэн Сяопина. Т. 3]. URL: http://www.qstheory.cn/books/2019-07/31/c_1119485398_108.htm

³ 智者不惑 [Мудрец не смущается]. 中共发动了一场没有硝烟的第三次世界大战——中共病毒11 [КПК развязала третью мировую войну без дыма - вирус КПК 11] // 文学城 «博客» [Литературный город – Блог]. 31.03.2020. URL: <https://www.wenxuecity.com/blog/202003/72155/50550.html>

⁴ 新冠疫情就是第三次世界大战。世界格局将重新划分 [Новая вспышка коронавируса – это третья мировая война, и мировая карта будет перекроена] // 诸葛闹闹 [Блог Чжугэ Шумного]. 18.03. 2021. URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/114132990>

политических проблем ведется здесь зачастую в метафорической форме, которая далека от политкорректности, зато информативна в своей откровенности.

Заключение. В общем плане феномен семантических войн относится к сфере символической политики, разворачивающейся на нижних уровнях когнитивной легитимации власти. В более тесном смысле семантические войны суть разновидность семантической борьбы, состоящей в конфликтах относительно правил использования многозначных языковых терминов и нацеленной на установление выгодных для данного политического актора норм языкового сообщества. Семантическая война как борьба за «монополию легитимной номинации» касается прежде всего ключевых политических символов как «концептов-в-действии», которые представлены как отдельными лексикоконцептами, так и метафорами, в особенности концептуальными. Основная когнитивная стратегия участников семантической войны состоит в мифической «натурализации» фаворизируемых ими смыслов как не допускающих оспаривания очевидностей. Семантическая война в собственном смысле есть прямое столкновение политических акторов в семантическом пространстве одного и того же ключевого концепта, действующего как свернутый мифонарратив публичного дискурса, в целях продвижения тех смыслов, которые в наибольшей мере отвечают интересам данного актора.

Список источников

1. Edelman M. *Politics as Symbolic Action. Mass Arousal and Quiescence*. Chicago: Markham, 1971. 188 p.
2. Неклесса А. И. Мир Индиго. Эпоха Постмодерна и новый цивилизационный контекст // Эпоха Постмодерна и новый цивилизационный контекст. Материалы научного семинара. Вып. № 1 (10). М.: Научный эксперт, 2008. С. 99–263.
3. Collins H. L. The Semantic War: The Pen as Sword in Rewriting Western Representations of Haiti in the Media // *International Journal of Francophone Studies*. 2013. Vol. 16. № 1-2. P. 191–207.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. (Трактат по социологии знания). М.: «Асайеггна-Центр», «Медиум», 1995. 323 с.
5. Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» / Бурдые П. Социология политики: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. С. 53–97.
6. Busse D. Semantic Strategies as a Means of Politics: Linguistics Approaches to the Analysis of «semantic struggles» // *Tracing the Semiotic Boundaries of Politics* / P. Ahonen (ed.). Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 1993. P. 121–128.
7. Stötzel G. Semantische Kämpfe im öffentlichen Sprachgebrauch // *Deutsche Gegenwartssprache. Tendenzen und Perspektiven* / G. Stickel (ed.). Berlin; Boston: De Gruyter, 1990. P. 45–65.
8. Dieckmann W. *Sprache in der Politik. Einführung in die Pragmatik und Semantik der politischen Sprache*. 2. Auflage. Heidelberg: Winter Verlag, 1975. 147 p.
9. Данн О. Нации и национализм в Германии 1770–1990. С.-Петербург: Наука, 2003. 468 с.
10. Rabenschlag A.-J. Semantic Struggles in the Face of Crisis: 'The West' as Contested Key Concept in West German Parliamentary Debate (1973/74) // *Redescriptions: Political Thought, Conceptual History and Feminist Theory*. 2021. Vol. 24. № 2. P. 150–165. DOI: <https://doi.org/10.33134/rds.353>
11. Lasswell H. D. *The Language of Power* // Lasswell H., Leites N., and anonym. associates. *Language of Politics*. Cambridge, MA: Harvard, 1968. P. 3–20.
12. Leonhard J., Steinmetz W. Von der Begriffsgeschichte zur historischen Semantik von «Arbeit» // Leonhard J., Steinmetz W. (eds.) *Semantiken von Arbeit: Diachrone und vergleichende Perspektiven*. Köln: Böhlau, 2016. P. 9–59.
13. Барт Р. Мифологии. Пер. с франц. С. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. 320 с.

References

1. Edelman M. *Politics as Symbolic Action. Mass Arousal and Quiescence*. Chicago: Markham, 1971. 188 p.
2. Neklessa A.I. World of Indigo. The Postmodern Epoch and the New Civilizational Context. *The Postmodern Epoch and the New Civilizational Context. Materials of scientific seminar*. 2008. Vol. 1. Moscow: Scientific expert:99-263. (In Russ.)
3. Collins H.L. The Semantic War: The Pen as Sword in Rewriting Western Representations of Haiti in the Media. *International Journal of Francophone Studies*. 2013; 16 (1-2):191-207.
4. Berger, P. L., Luckmann, T. *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*. Moscow: «Asayeggnna-Center», «Medium», 1995. 323 p. (In Russ.)

5. Bourdieu P. *Sociology of Politics*: trans. from French / Comp., general ed. and preface by N. Shmatko Moscow: Socio-Logos, 1993. 336 p. (In Russ.)
6. Busse D. Semantic Strategies as a Means of Politics: Linguistics Approaches to the Analysis of «semantic struggles». *Tracing the Semiotic Boundaries of Politics* / P. Ahonen (ed.). Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 1993:121-128.
7. Stötzel G. Semantische Kämpfe im öffentlichen Sprachgebrauch. *Deutsche Gegenwartssprache. Tendenzen und Perspektiven* / G. Stickel (ed.). Berlin; Boston: De Gruyter, 1990:45-65.
8. Dieckmann W. *Sprache in der Politik. Einführung in die Pragmatik und Semantik der politischen Sprache*. 2. Auflage. Heidelberg: Winter Verlag, 1975. 147 p.
9. Dann O. *Nations and Nationalism in Germany 1770-1990*. St. Petersburg: Nauka, 2003. 468 p. (In Russ.)
10. Rabenschlag A.-J. Semantic Struggles in the Face of Crisis: 'The West' as Contested Key Concept in West German Parliamentary Debate (1973/74). *Redescriptions: Political Thought, Conceptual History and Feminist Theory*. 2021; (24) 2: 150–165. DOI: <https://doi.org/10.33134/rds.353>
11. Lasswell H. D. The Language of Power. Lasswell H., Leites N., and anonym. associates. *Language of Politics*. Cambridge, MA: Harvard, 1968:3-20.
12. Leonhard J., Steinmetz W. Von der Begriffsgeschichte zur historischen Semantik von «Arbeit». Leonhard J., Steinmetz W. (eds.) *Semantiken von Arbeit: Diachrone und vergleichende Perspektiven*. Köln: Böhlau, 2016: 9-59.
13. Barthes R. *Mythologies*. transl. from French by S. Zenkin. M.: Publishing house Sabashnikov, 2000. 320 p. (In Russ.)

Информация об авторах

С. П. Поцелуев – докт. полит. наук, проф. кафедры теоретической и прикладной политологии ЮФУ;
А. А. Гаас – магистрант ЮФУ;
А. А. Летуновский – студент ЮФУ.

Information about the authors

S. P. Potseluev – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Theoretical and Applied Political Science of Southern Federal University;
A. A. Gaas – Master's Student of Southern Federal University;
A. A. Letunovsky – Student of Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.05.2022; одобрена после рецензирования 28.05.2022; принята к публикации 30.05.2022.

The article was submitted 13.05.2022; approved after reviewing 28.05.2022; accepted for publication 30.05.2022.